3-й год издания

№ 27

СМЕХАЧ

СЕНТЯБРЬ 1925 Ленинград, Просп. 25-го Октября, 88. Тел. ред. 5-49-78, тел. конт. 5-35-88 Цена 25 коп

ПУСТЫННИК И МЕДВЕДЬ

Во многих деревнях появились медведи, но крестьяне, не имея охотничьих билетов, ничего не могут поделать.
(Из газет)

Рис. Б. Антоновского

Медведь: — Ах, сукин сын! Стрелять? А почему печать на билете неразборчива?

ОСЕНЬ КРАСНАЯ

Сентябрь. Листва дерев поблекла и намокла,
Тоскливый дождь плюет в засиженные стекла.

Садись и осени уныло подражай...
Нет, врете! Мы считать садимся урожай.

Эй, западных держав цинические барды!
Глядите: мы пуды считаем на мильярды:

Нули, нули, нули... Кули, кули, кули...
А ну-ка, клеветник, мозгой пошевели!

Пред этой золотой стеной набухших зерен
Твой лоб с досады хмур, твой лик от злобы черен,

И бурный мерный шум миллионов жерновов
Глушит ревнивый тон твоих продажных слов.

Напрасно ты зудишь, порхая, как цикада:
— Антисоветский фронт! Кредитная блокада!

Нисколько не страшась изменчивых судеб,
Пока ты мелешь вздор, мы трезво мелем хлеб.

И вот, чтоб оттенить нестрашную угрозу,
С медлительных стихов перехожу на прозу:

— Что? Взяли, черти полосатые? Взяли, дурачье липовое? Взяли?

Желчный поэт

В ПЛОСКОСТИ МОДЫ

В Париже практикуется курс лечения для приобретения модной „плоской" фигуры.
(Из газет)

Рис. Л. Г.

— Смотрю я вот на таких женщин... И как им удается не полнеть?

ЕЩЕ ОДНА ДЕЛЕГАЦИЯ

Обнаглел нынче мировой пролетариат, т. е. до того обнаглел, что никак с ним не совладать буржуазным атмосферам.

Уж они, голубчики-буржуи, и так, и эдак—всю пыль своего красноречия в глаза пускают, а пролетариат и в ус не дует, и ухом не ведет.

Отбился от рук.

И ведь до чего согласовался промеж собой: тут тебе и английские рабочие, и шведские, и французские, и германские—заладили в один голос:

— Желаем ехать в Советскую Россию, поглядеть собственными глазами, что там и как.

— Да чего же, милые, глядеть-то?!—горячо лезут из дорогой кожи буржуи:

— Чего вы там не видали? Разоренной погибающей страны? Кооперативов, торгующих человечьим и собачьим мясом? Небритых дикарей, которые охотятся на улицах, набрасывая на прохожих петли? Если хотите, мы расскажем вам о всех этих ужасах подробно, зачем же вам самим ехать?

— Ладно,—отвечают упрямо рабочие,—лучше, мы сами поглядим.

— Ну, что-ж,—горько вздыхают буржуи,—поезжайте, если вам жизнь не дорога. Только не забудьте оставить завещание, на случай вашей преждевременной и трагической смерти в этой дикой стране, где даже железных дорог нету, и паровозы ходят прямо по болоту...

И вот, несмотря на отеческие запугивания, едут и едут в Советскую Россию иностранные рабочие.

Не скажу, чтобы так-таки и не боялись. Попадаются среди них и сомневающиеся меньшевики:

— А что, ей-богу... Как-бы нас и впрямь не съели с гречневой кашей?

Попав на нашу территорию, озираются—мол, не отправят-ли прямо на госмясохладобойню?

На углу высматривают — не стоит-ли этакий кровожадный дикарёк с петлей наготове.

В кооперативной столовой подозрительно спрашивают, поглядев на карточку меню:

— Товарищ, вот это блюдо—селянка по-московски—из каких собачьих пород—из охотничьих или простых дворняжек?

И еще очень интересуются техническим вопросом:

— Как, мол, ваш паровоз ходит по болоту: на колесах, или на ногах, словно цапля?

Но тут-то и берут их в оборот: на предмет срочной переделки и перекраски.

— На-те вам, дорогие товарищи, весь СССР; езжайте, куда хотите, смотрите, что пожелаете. Мотайте на ус или на бритое место, чтобы потом рассказать всю правду, вернувшись к себе домой.

Однако, здесь, граждане, и есть самая главная закорючка.

Что такое—правда о Советской России?

Действительно,—захлебываясь от удовольствия, рассказывают иностранные рабочие о всем виденном в Советской России: о восстановлении заводов, о смычке деревни с городом, о росте нашего хозяйства.

А капиталист слушает и досадливо морщится.

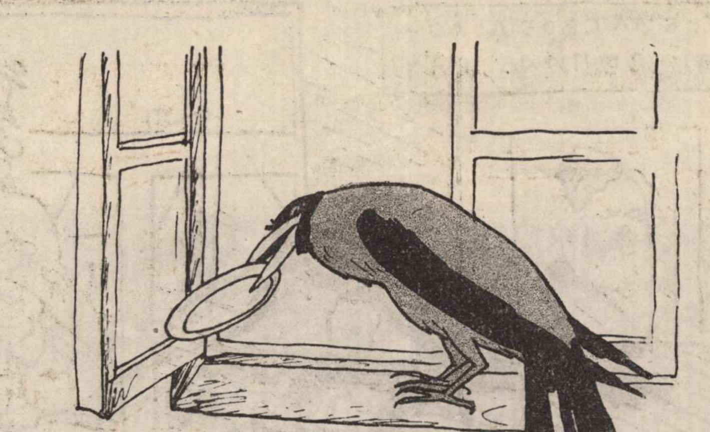

Вор: Ишь, стерва! Хлеб отбивает... Душить вас некому!..

ВОРОНА В РОТ...

В Ленинграде замечена ворона, воровавшая из открытых окон металлические вещи.
(Из газет)

Рис. А. Ю.

— Дескать, разве это и есть настоящая правда? Разве могут какие-то неопытные рабочие разобраться в деле? Вот-бы *нам* поехать и поглядеть—мы бы эту правду положили в момент на обе лопатки.

Теперь, граждане, позвольте малость пофантазировать на случай такой делегации буржуев и капиталистов.

Допустим, что буржуи и капиталисты приехали в Ленинград, детально все осмотрели и, вернувшись к себе, опубликовали свои впечатления.

Что-бы получилось? А вот что.

„Мы посетили Петербург, именуемый ныне Ленинградом. Вот город, который наглядно показывает, до чего дошла Россия. От Петербурга не осталось камня на камне.

Мы обратились к графу Сукину, ныне также переименованному в просто Сукина, и граф любезно сопровождал нас, показывая все ужасные разрушения.

Он начал со своего особняка на Большой Дворянской улице.

— Смотрите,—говорил граф,—что сделали эти варвары! Они покрасили и отремонтировали особняк, лишив его прежнего старинного вида. Обратите внимание на эту вывеску, не гармонирующую с фасадом: „Школа первой ступени..." Какой ужас! Дом превращен в часть лестницы!

Из окон разрушенного особняка неслось ужасное пение:

„Эй, буржуй, вставай с постели,
Раскрывай пошире двери".

Мы, конечно, не рискнули раскрыть дверь и войти внутрь дома, опасаясь насилия со стороны людоедов с красными повязками на шеях.

Отметим, что Большая Дворянская улица, повидимому, настолько обнищала и развалилась, что теперь ее называют улицей Деревенской Бедноты.

Уличная жизнь замерла: трамваи, автомобили, извозчики делают вид, что существуют. На самом же деле они погибли еще в 1918—19 годах.

Газеты не выходят: ни у одного газетчика мы не видали „Нового Времени".

Далее мы осмотрели Зимний Дворец: он совершенно опустошен—нигде ни одной императорской души!

Народ с улицы беспрепятственно допускается внутрь—безобразие, дальше которого итти некуда!

Прекрасный Дворцовый мост не существует: на его месте—Республиканский. Разумеется, мы не рискнули довериться этой непрочной конструкции, боясь провалиться и утонуть. Впрочем, воды в красавице Неве почти не осталось: она распределена по карточкам и вывезена еще в 1918-м году.

О состоянии Петербургских заводов говорить не приходится: за неимением их прежних владельцев, они сплошь переведены на восьмичасовую работу...

Такова картина умирающего Петербурга и всей России.

Можно-ли в этих условиях говорить о предоставлении России займа? Пусть господь сохранит нас от такого опрометчивого шага!.."

Вот, граждане, что написала-бы о нас настоящая делегация, делегация умных деловых людей, буржуев и капиталистов.

А то—рабочие! Эка, подумаешь! Да разве они понимают, что такое—„Правда о Советской России?!"

Азиат

ТИХА УКРАИНСКАЯ НОЧЬ

Рис. Н. Радлова

— Гарный щотижденник „Сміхунец": тілкі в ём про Вкраину не богацько шкрабають!
— Хай вам абы що, Тарас Остапыч! Накликаете таке, що воны нас з вамі намалюють!.. Лишенько! Да воны ото вже и намалювали! *)

С БОГОМ ЗА КОРОВОЙ

Дорожный мастер, (по фамилии, скажем, Гайкин) и местный дьякон, (опять же назовем его деликатно, например—отец Акакий) сидели среди бела дня на станции Жигули, Ташкентской ж. д., дышали природой и очень спокойно беседовали.

— А что, отец Акакий,—спросил вдруг Гайкин,—скажи, положа руку на сердце,—есть бог? Только не ври, между нами...

Положил дьякон руку на живот,—малость пониже сердца, но это неважно,—и говорит:

— Да,—говорит,—обязательно есть. Ей-богу, бог есть. Я,—говорит,—через него готов на страдания пойти, будучи верующий...

— Любопытно!—сказал Гайкин:—А например, можешь ты сей-минут, в подтверждение своей веры, скинуть одежу и десять сажень нагишом пройти?

Снял дьякон руку с живота и крестное знамение сотворил.

— Что ты! Господь с тобой!

— Жаль,—говорит Гайкин.—А у меня корова есть. Я бы, прямо скажу, отвалил бы тебе тую корову.

Поморгал дьякон и с лица изменился.

— Мерь,—говорит,—десять сажен. Докуда итти, во имя божье?

Дорожному мастеру отметить,—что плюнуть. Раз!—и готово.

— Вот,—говорит,—досюда итти, до фонаря аккурат. Разувайся, отец. Доказывай веру. Твоя вера, моя корова.

— А что-ж, и докажу.

Скинул отец Акакий сапоги, портянки смотал, и уже давай, с божьей помощью, из штанов вылазить, да вдруг усумнился на первой штанине.

— Стой!—говорит.—А корова-те молочная?

— Как же не молочная? Пол-ведра в день.

От этих слов полез дьякон бойчее из одежи.

И вот, нà-те вам! Смотрите, православные! Стоит дьякон в безо всего, одёжа рядышком аккуратно складена.

Народ, конечно, сбежался поглядеть, что тут произошло.

— Не унесли бы, спаси господи, одежи!—косится дьякон и сомнительно волосья на груди треплет:

— Ты, Гайкин, погляди, ради христа, чтобы не уперли. Ну, благослови, владыко!—И прытким шагом пустился дьякон к фонарю.

Три сажени благополучно отмахал. На четвертой—запятая, ввиде милиционера. Хотел, было, обогнуть, но нет, брат! Сгреб отца Акакия милиционер за голое место, где шиворот.

— Стой!—кричит:—Ваши документы?

— В штанах они, под охраной,—отвечает дьякон:—сейчас покажу, только прежде дозвольте до фонаря дойти.

— До какого фонаря?

— Да вот же он, фонарь... Я сейчас до него, одним духом!..

Милиционер—глазами на фонарь, потом задумчиво—на голую личность. Нету, думает, такого правила, чтобы голых граждан к фонарям допускать.

— Нельзя!—говорит:—Пущай в районе разъяснят...

— Господи!—заволновался дьякон:—Товарищ милиционер!.. Ведь корова-ж! *Корова!* Во имя господа! Тут и бог, и корова на карту поставлены... Прошу вас: дойдем совместно до фонаря.

Однако же, милиционер уперся на точке закона и дальнейшаго движения не дал, не считая протокола.

Он протокол пишет, а дьякон к дорожному мастеру:

— Корову-то, а? Неужто не дашь? Корову-то...

— Нету,—говорит мастер ехидно:—Ведь, ты не прошел полной дистанции. Плакала твоя корова!

Тут в глазах у дьякона зазвенело вроде набата, и всё его духовное происхождение на смарку: сорвался дьякон с рельс.

Нет, извините,—дальше не мыслимо описывать. Дальше пускай идет сухая заметка из Самарской газеты „Коммуна":

> ...Дьякон стал крыть мастера „матом" и полез с кулаками.
> Дело доходит до суда, где дьякону хочется добыть себе корову за спор. Дорожного мастера отпустили тут же, а дьякона посадили на трое суток за дебоширство.

И вот, читатель, не могу я теперь спокойно видеть коров...

За душу хватает меня каждая корова. Как увижу, так и вспомню несчастную жертву рокового религиозного спора...

Ив. Прутков

*) За филологию и за орфографию не отвечаем. Нет у нас в составе редакции украинца. Француз есть (Ив. Прутков). Одессит есть (Б. Антоновский). Великороссы есть (А. Флит и А. д'Актиль). А украинца нет. С тем и возьмите.

АЛЛО! АЛЛО!

(Слово к читателю)

Я, Александр Флит, член редколлегии,
(Лета—34, рост—средний, особых
примет нет),
Впряженный в оглобли редакционной
телеги,
На твой нападаю горячий след.

Ты, застигнутый мною на службе,
В трамвае, на улице, за чайным столом,
На перроне, в клубе!.. Ответь мне
по дружбе,
Согрей мое сердце человечьим теплом!

Как почувствовать мне, что ты где-то
близко,
Что недаром перо мое водит рука,
Что нас тесно с тобою связала
подписка,
И не зря за строкою ложится строка?

Мы сидим, мы пишем, надрываем
печонку,
Не жалеем ни мыслей, ни рифмы,
ни душ,
А потом мчимся за тобою вдогонку
В лесную, в степную, в российскую
глушь...

Где ты? Что-ты? Может, некстати
Ввалились в комнату, влезли в семью?
Ты думаешь в страхе о вчерашней
растрате,
А мы растравляем рану твою?!

Беремся за брак, освещаем „моменты",
А ты, наш прилежный, внимательный
чтец,
Ты сам... в три семьи отдаешь алименты,
Нарсудно-гонимый, несчастный отец!

Случится пивнушку подать ввиде арии!
Поднесем тебе ласково: неугодно-ли, на,
И совсем невдомек, что у „Красной
Баварии"
Под дождем безнадежно мокнет жена.

Коли так, то прости нас, читатель
прохожий,
Бегущий по строчкам с начала в конец!
Пойми, что и авторы, авторы тоже
Приемлют от жизни страданий венец.

У иного, к примеру, жена ходит
с флюсом,
У другого тёща—в сварливых годах,
У третьего дочка... да и я ведь скорблю
сам,
С управдомом семнадцатый день
не в ладах.

Однако, перемогаемся и уродов хлещем,
И нет тебе дела до наших дел...
Позволь же, читатель, этой самою вещью
Нарушить отважно нелепый предел:—

Подай мне твой голос любовно и звонко,
И сердце исполнит хвалебный гимн...

. . . .

А теперь разреши отойти мне в сторонку
И предоставить место другим.

Вышеупомянутый А. Флит

АК-ДРАМА

Наркомпрос постановил прекратить выдачу контрамарок в Академические театры. Выдача контрамарок будет производиться только по предъявлению отношения из ЦК Всерабиса.

Рис. Л. Бродаты

Режиссер: А где-ж публика?

Билетер: На улице: выбирает делегацию в ЦК Всерабиса за контрамарками.

ТЕКУЩИЕ ДЕЛА

Рис. Н. Радлова

На ст. Ловша М.-К.-ж.-д. на общих собраниях членов профсоюза распивается самогон.

„Гудок“.

— Ставлю вопрос на голосование! Кто воздержался? *(Молчание)* Гм! Воздержавшихся нет!

БИЛЕТЕРША

Гражданин! На Марь-Иванну
Не взирайте беззаботно:
Каждый день сулит ей ванну
В человечьем море потном.

—

Три сеанса—три блокады,
Три сеанса—три налета
Человеческого стада,
Табаку, вина и пота.

—

Прислонив к стене лопатки,
Прицепившись на портьере,
Марь-Иванна в ярой схватке
Защищает храбро двери.

—

Ах, пускай ничтожны ставки,
Взмокли пусть от пота пряди,—
Марь-Иванна в дикой давке
Не уступит даже пяди.

—

А когда откроют двери,—
Марь-Иванне втрое горше:
Мы, как бешеные звери,
Давим ноги билетерше.

—

И толстовки, и жилеты,
И пальто, и гимнастерки
Тычат потные билеты
В руки храброй билетерке.

—

Марь-Иванна на сеансе
Не глядит на трюк ковбоя:
Марь-Иванна в тихом трансе
Снова ждет в антракте боя.

—

И, конечно, было-б странно
Удивить ее ковбоем:
Вся работа Марь-Иванны
Трюк из фильмы с мордобоем!

Р. Волженин

СТАКАН

Тут недавно маляр Иван Антонович Блохин скончался по болезни.

А вдова его, средних лет дамочка, Марья Васильевна Блохина на сороковой день небольшой пикник устроила.

И меня пригласила.

— Приходите,—говорит,—помянуть дорогого покойничка чем бог послал. Курей и жареных утей у нас, говорит, не будет. И паштетов тоже не предвидится. Но чаю хлебайте сколько угодно, вволю, и даже можете с собой домой брать.

Я говорю:

— В чае хотя интерес небольшой, но придти можно. Иван Антонович Блохин довольно, говорю, добродушно ко мне относился и даже раз бесплатно потолок побелил.

— Ну,—говорит,—приходите тем более.

В четверг я и пошел.

А народу приперлось множество. Родственнички всякие. Деверь тоже, Петр Антонович Блохин. Ядовитый такой мужчина, со стоячими кверху усиками, против арбуза сел. И только у него, знаете, и делов, что арбуз отрезает перочинным ножом и кушает.

А я выкушал один стакан чаю, и неохота мне больше. Душа, знаете, не принимает. Да и вообще, чаишко неважный, надо сказать,—шваброй малость отзывает, когда нюхаешь.

И взял я стакашек, и отложил к чорту в сторону.

Да маленько неаккуратно отложил. Сахарница тут стояла. Об эту сахарницу я прибор и кокнул. Об ручку. А стакашек, будь он проклят, возьми и трещинку дай.

Я думал, не заметят. Заметили дьяволы.

Вдова отвечает:

— Никак, батюшка, стакан тюкнули?

Я говорю:

— Пустяки, Марья Васильевна Блохина, еще продержится.

А деверь нажрался арбуза и отвечает:

— То-есть, как это пустяки? Хорошие пустяки! Вдова их в гости приглашает, а они у вдовы предметы тюкают.

А вдова Марья Васильевна осматривает стакан и все больше расстраивается.

— Это,—говорит,—чистое разоренье в хозяйстве—стаканы бить. Это немыслимое дело—бить. Это, говорит, один гость стакан тюкнет, другой—крантик у самовара начисто оторвет, третий салфетку в карман сунет. Это что ж и будет такое?

А деверь, паразит, отвечает:

— Об чем,—говорит,—речь? Таким, говорит, гостям прямо морды надо арбузом разбивать!

Ничего я на это не ответил. Только побледнел ужасно и говорю:

— Мне,—говорю,—товарищ деверь, довольно обидно про морду слушать. Я говорю, товарищ деверь, родной мэтери не позволю морду мне арбузом разбивать. И вообще, говорю, чай у вас шваброй пахнет. Тоже, говорю, приглашение! Я, говорю, и дома могу швабру нюхать... Вам, говорю, чертям три стакана и одну кружку разбить—и то мало.

Тут шум, конечно, поднялся, грохот.

Деверь наибольше других колбашится. Съеденный арбуз ему, что ли, в голову бросился.

И вдова тоже трясется мелко от ярости.

— У меня,—говорит,—привычки такой нету—швабры в чай ложить. Может, это вы дома ложите, а после на людей тень наводите. Маляр, говорит, Иван Антонович, в гробе наверное повертывается от этих тяжелых слов... Я, говорит, щучий сын, не оставлю вас так после этого.

Ничего я на это не ответил, только говорю:

— Тьфу, на всех и на деверя, говорю, тьфу!

И поскорее вышел.

Через две недели после этого факта, повестку в суд получаю по делу Блохиной.

Являюсь и удивляюсь.

Нарсудья дело рассмотрел и говорит:

— Нынче,—говорит,—все суды мелкими делами закручены, а тут еще неугодно ли? Платите, говорит, этой гражданке, двугривенный и очищайте воздух в камере.

Я говорю:

— Платить не отказываюсь, а только пущай мне этот треснувший стакан отдадут из принципа.

Вдова говорит:

— Подавись этим стаканом. Бери его.

На другой день ихний дворник Семен приносит стакан. И еще, нарочно, в трех местах треснувший.

Ничего я на это не сказал, только говорю:

— Передай, говорю, своим сволочам, что теперь я их по судам затаскаю.

Потому я, действительно, теперь до трибунала могу дойти.

Мих. Зощенко

ОСЕННИЕ СТИШАТА

Там и тут платил без сдачи,
Там и тут встречал удачи,
Жил, как водится, на даче
Без терзаний...
Осень. Дождь... Подсчеты, сдачи,
Вся семья вернулась с дачи,
Он идет пешечком... с дачи
Показаний...

Мих. А.

НЕВЕРОЯТНОЕ

Подумайте: 150 кассиров, больше не совершающих растрат! 100 спецов, не берущих больше взяток! 200 кооперативных правленцев, не представляющих больше фиктивных счетов! 150 хозяйственников, не занимающихся больше бесхозяйственностью!

— Что?—спросил я в недоумении.

— Не что, а я видел их сегодня всех,—ответил мой собеседник.

— Во сне?

— Нет, наяву! Хотите, покажу...

Я не верю в чудеса. Я не люблю театра. Если-бы приятель мой показал мне жалкую бутафорию, я бы моментально рассердился. Но он повел меня не в театр, и я убедился, что есть, действительно описанные приятелем люди.

Он повел меня в исправдом!

СЛЕПОЙ

Я сидел в переполненном кинематографе. Шел отечественный детектив в 25 эпизодах. Название фильма было популярное и понятное: „А. Б. В. — 1. 2. 3".

Во время антракта я посмотрел на своего соседа, желая с ним поделиться впечатлениями. К моему удивлению—сосед оказался слепым.

— Простите меня за бестактный вопрос,—сказал я,—но что побуждает слепого посещать кино? Ведь всё замечательное в фильме для вас проходит незамеченным!

Слепой улыбнулся:

— А вы много замечательного увидели?

Вопрос был не в бровь, а именно в глаз. Я посмотрел на слепого своими прекрасно-видящими глазами и смущенно ответил:

-- Тоже ничего!

М. К-ий

ГРАММАТИЧЕСКАЯ ОШИБКА

Рис. В. Лебедева

— За что же тебе, Нинка, работу вернули?

— У меня... получились... в ответе... два фунта... стерлингов... я и написала: восем сот... граммов...

НА ЛАДАН ДЫШАЩИЕ

Рис. Н. Радлова

В некоторых деревнях Вологодской губ. в день покровителей скота Фрола и Лавра, крестьяне, вместо молебнов, устроили конские испытания. Владельцы лучших лошадей получали призы ввиде папирос. (Из газет).

— Вот, чорт! И ладан-же теперь пошел..

ЧЕСТНОСТЬ

Намедни теща, в семейной драке, ядовитое словечко обронила:

—Ты,говорит, каторжник, в милиции насиделся!

А я, должен сказать, что облаяла она меня крайне несправедливо и даже обидно. Потому что в милицию замели меня через мое собственное исключительное благородство.

Ехал я, извольте заметить, в трамвае маршрута № 4. Кондукторша, хотя и пожилая, но весьма бойкая гражданка, что чрезвычайно важно для дальнейшего развития моих слов.

— Позвольте, говорит, получить!

— Извольте!

Мелких у меня, простите, не было. Даю ей, стерве, трояк. И ожидаю сдачи.

— Нету, говорит, подождите!

Хорошо. Беспрекословно сижу и жду. Только к штабу подъезжаем, а мне там, заметьте, вылазить, я снова к ней.

— Дозвольте ,говорю, сдачу!

— Не шебаршите, говорит, гражданин! Вот вам ваша сдача!

И так это сердито мне швыркает. И все, заметьте, мелким серебром и медью. Цельная куча.

— Эх, думаю, с вами наплачешься!

Однако, не стал бузить, взял и вышел.

Только за угол завернул, сомненье меня взяло.

— Эх, думаю, воспользовалась гражданка моей неопытностью. Надула, стерва!

Словом, деньги вынул, на ступеньку присел и считать начал.

Считаю и глазам своим не верю. Что за чорт! Сново пересчитываю и убеждаюсь: заместо 2 р. 93 к., дала мне гражданка 4 р. 93 к. Вместо трояка, по происшедшей ошибке, дала мне сдачу с пятишника.

Ну, думаю, и случай! Ошибка-то грандиозная. Два рубля на улице не валяются.

И тут меня раздумье взяло

— Эх, думаю, трудящаяся гражданка, канителишься ты день деньской и спокою тебе нет, и каждый, между прочим, норовит тебя обжулить или там зайцем проехаться. Выйдут, думаю, тебе боком мои два рубля...

Словом, заметьте, не обращая внимания на косой дождь, побежал я за вышеописанным трамвайным маршрутом № 4. Дождик хлещет, морда вся мокрая, а я бегу.

Добежал до остановки, не отдышался даже—и в вагон. На счастье, смотрю, и кондукторша та-же и пассажиры, почти те же самые.

Ну, думаю, сейчас и сценка будет. Не каждый день такой случай. Все-таки два рубля на улице не валяются.

— Гражданка, говорю,—вы мне лишку передали! Дал я вам 3 рубля, а вы мне, заместо трех рублей, с пяти сдачу сдали. Словом, причитается вам с меня два рубля лишку!

Затем вынимаю деньги и спокойно отдаю.

Пассажиры, естественно, дыханье затаили и ожидают.

А гражданка-кондукторша деньги взяла, но молчит и вроде как подбирается. Тут я рассердился.

— Что ты,—говорю,—окаяная, подбираешься? Тебе-бы, говорю, мне в ножки поклониться да поблагодарить хорошенько за такое мое благородство! А ты, стерва, дубом стоишь!

А она этак спокойно отвечает:

— Это, говорит, гражданин, верно, что вы благородство оказали, и против этого я ничего не имею. Но, между прочим, как вы в вагон вспрыгнули и новым пассажиром являетесь, то разрешите с вас за проезд получить...

Я прямо опешил. А она, заметьте, дальше издевается.

— Что вы, говорит, на меня уставились? Не в кинематографе! Платите, говорит, гражданин, и немедленно!

Вижу, что человек не шутит. Швырнул я ей тут 7 копеек. И такая меня злость взяла, что стал я прямо убийцам сочувствовать. С удовольствием бы такую ехиду топором по башке съездил.

Однако, вспомнил кстати, что бухгалтер наш, Игнат Андреевич Сорокин, чрезвычайно беспокоится и даже сердится, когда подчиненные на службу опаздывают. Плюнул и соскочил на ходу

И только это я соскочил — милиционер, и книжка на готове.

— Пожалуйте бриться — говорит. — Гони, гражданин, полтинник!

А я, заметьте, еще в трамвае расстроившись был.

— Эх, говорю, ты, сукин сын, кого хватаешь! Я, говорю, в трамвай за благородным делом лазил. Кондукторше лишку отдавал!

— Все вы, говорит, благородные, по трамваям лазить! А за сукина сына, между прочим, ответите по строгости закона.

Не стерпел я тут. Эх, думаю, через благородство свое и погибаю. Развернулся и дунул ему шибко по уху. Очень уж обидно стало. И про бухгалтера даже забыл.

Пошла тут буза. Свистки, дворники, граждане собравшись. Замели меня в милицию.

И не так я две недели от сиденья измогался, сколько от мыслей. Кондукторша перед глазами, как живая стоит.

А теща говорит—каторжник!

Александр Нератов

ГИГИЕНА ПРЕЖДЕ ВСЕГО

Рис. Л. Бродаты

Глядя на луч пурпурного заката,
Стояли мы на берегу Невы.

Вы руку жали мне...

РУКОПОЖАТИЯ ОТМЕНЯЮТСЯ

Постановление Губздрава, № 15697

... промчался без возврата
Тот чудный миг. Его забыли вы.

40 ЛОШАДЕЙ и 8 ЧЕЛОВЕК

САНИТАРИЯ НА „МЕСТАХ"

Читаем в „Орловской Правде":

Санитарное состояние Кромского врачебного пункта *далеко* неблагополучно.

А как именно—*далеко*, ни за что не угадаете, читатель.

Помещается он рядом с отхожим местом.

И это называется: далеко! Напротив,—совсем близко.

„АВИАЦИЯ" НА МЕСТАХ

Нынче какой век? Век радио и авиации.

По этой причине, в Иваново-Вознесенске („Рабоч. Край") — в отбел ном отделе НИВМ'а, все материальщики, по милости администраторов, ходят в спецодежде из материала, который когда-то служил *оболочкой для аэростата.*

Ходят и сомневаются:

— Люди мы, или газ? Должно быть, газ, ежели в шаровую оболочку вогнали.

А которые побоязливей, в отчаяние впадают:

— Нынче, слыхать — больше всё беспроволочный телеграф. А что, ежели слободную проволоку пришлют нам, и обмотают нас, горемычных, в тую проволоку, вроде дешевой прочной спецодежды?

А что-же, всякое бывает: и обмотают. Очень просто.

ИЗ РЯДА ВОН!

3-го Сентября на станции Ферзиково состоялось очередное выступление местного начальства.

Пишет Калужская „Коммуна":

К поезду № 4 явилась пьяная компания: секретарь волкома РКП (б) Сельянов, начальник местной милиции, инспектор финотдела Таракайлов и один неизвестный, по сведениям сотрудник губфинотдела.

Сотрудник губфинотдела спьяну принялся гоняться за женщинами. Ему удалось настигнуть жену одного ДСП, а остальные разбежались и перепугались, ворвались в квартиру ДСП Королькова. Хулиган остался в корридоре, усевшись на кадку с водой у дверей квартиры Королькова.

Сельянов в это время на платформе „рвался".

„Отчет" заканчивается примечанием газеты:

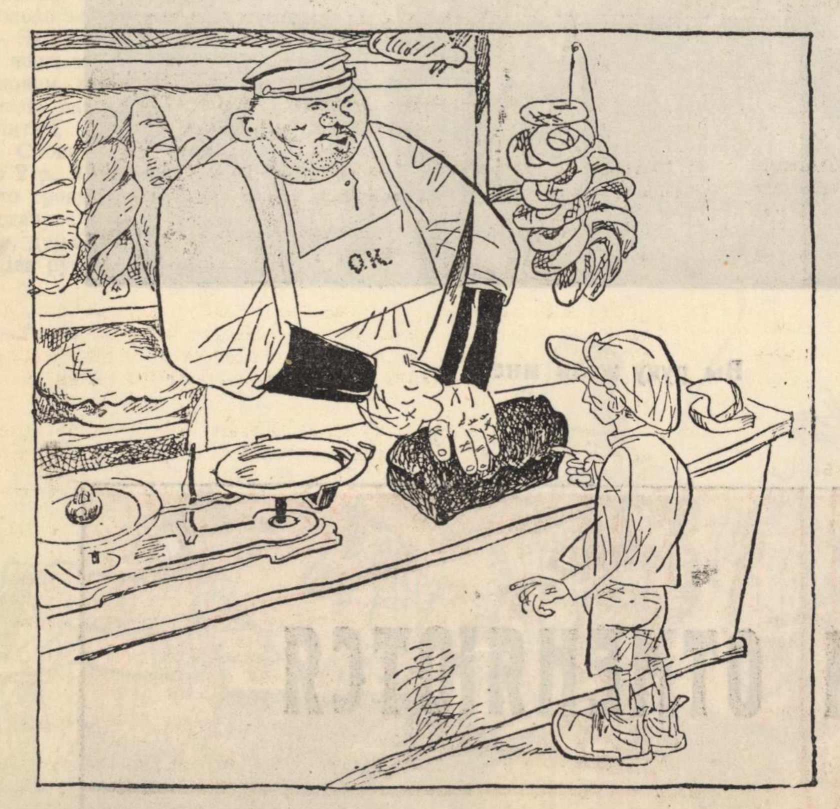
От редакции: В редакции имеются сведения о том, что Сельянов пьет *больше, чем следует секретарю волкома.*

Скажите на милость! пьет больше, чем следует, рвется и не разрывается окончательно!

Прямо, скажем,—исключение, достойное исключения из партии.

РЕАЛИЗАЦИЯ

Рис. Б. А.

— Плати, мальчик, за кило 13 копеек

— Дяденька, да мамка ж на урожай расчитывала и мне всего гривенник дала.

ДАРОВОЙ КОНЬ

О вредном уклоне смычки сообщает „Рабочий Край":

На выставке в г. Шуе, дуниловская стенгазета за свои добрые качества получила премию — веялку. РЛКСМ на седьмом небе. Как же! Труд, де, оценен и дан подарок для деревни золотой. РЛКСМ решил так: давать веялку бесплатно крестьянам, но с условием, чтобы каждый пользующийся выписал на 3 месяца любую газету. Условие и для кармана мужика сходное и для деревенской культуры улыбчиво.

Стали мужики веять в комсомольскую веялку, а она ни тпру ни ну, никудышная, словом. Мужики к агроному—„разъясни, де, в чем дело? неужели комсомолу на смех веялку дрянную дали?". Агроном веялку осмотрел и сказал, что ее только и остается „выкрасить да выбросить".

Теперь мужики ходят и зло смеются ячейке РЛКСМ в глаза: „Пишите, пишите! еще какую-нибудь дрянь заработаете".

А мы предлагаем не во зло и без смеха:

Пишите, комсомольцы, кто вам дал такую веялку.

Постараемся накостылять по Шуе.

И ЕЩЕ „СМЫЧКА"

На этот раз (как сообщает Краснодарское „Красное Знамя") —

СМЫЧКА КУЛАКОМ

Работник *Дома крестьянина и казака* некий Бадлин своим пьянством возмущает приезжающих хлеборобов. Напившись до потери облика человеческого, Бадлин начинает нападать с кулаками на всех, подворачивающихся ему под руку. Усмиряющей его милиции Бадлин не подчиняется (считает себя „ответработником"), он даже, во время своего задержания за избиение комсомольца, напал на милиционера тов. Жукова, которому сильно покусал руку... Для прославления своей особы, зачастую требует оркестр.

Что ж думают местные власти? Где тройка по борьбе с бешенством?

Все на борьбу с Бадлиным!

ЧЕМ ДАЛЬШЕ В ЛЕС...

... тем больше канцелярских чудес.

О них рассказывает Томское „Красное Знамя":

По р. Кондоме червь повредил пихту. Лес на корню преет Гражданами Кузедеевской волости подавались заявления о бесплатном пользовании таким лесом, но из Кузнецка, вместо разрешения, пришел запрос: *семейный ли проситель, сколько имеет скота, посева и т. д.*

Козьма Прутков (папенька нашего секретаря) недаром говорил: „Зри в корень".

Потому, покуда разрешение на лес получишь,—верх сопреет, один корень останется.

ВНЕДРЕНИЕ „РЕВОЛЮЦИОННОЙ" ЗАКОННОСТИ

Пишет „Красный Алтай":

Заместитель председателя Ребрихинского РИК'а тов. Голышманов на просьбы председателей и секретарей сельсоветов, вызванных по требованию РИК'а на совещание,—оплатить подводы крестьянские, на которых они приехали ответил так:

Какие же вы председатели, если не умеете взять бесплатно подводы?

А мы спросим вас, товарищ зампред—ну какой же вы председатель, если умеете содрать бесплатную подводу?

Хитрая штука—бесплатная подвода: так подведет, что только держись—неровён час, свалишься!

ВЛАСТЬ НА МОСТАХ

Очень странная власть на мостах в Сибири. В томском „Кр. Знамени" читаем:

РЕТИВЫЙ СБОРЩИК

(Мариинск)

Через понтонный мост, для пешеходов переход бесплатный. Плата начинает злоупотреблять(?). Две женщины нарвали по мешку травы и берется лишь с конных(?). Хотели перенести с собой. *Грозный сборщик поймал их, требуя деньги за переход, как с конных.* Денег у них не оказалось, тогда он вырвал у них серп из мешка.

Усобес, одерни зарвавшегося сборщика.

Просто и ясно: ежели с травой, значит—лошадь, стало быть гони в двойном.

Таким манером, пройди женщина с охапкой дров, принял бы за паровоз и взял бы по тройному тарифу.

Недаром говорится в Сибири: пеший конному—не товарищ. Какой, к дьяволу, товарищ? Просто—свинья!

УТЕШЬТЕСЬ

В Томском „Кр. Знамени" возмущается наивный рабкор:—

Сторожа охраны материальной службы станции Томск I и Томск II до сих пор не получили летнее обмундирование. Лето уже проходит, а материальная служба только лишь обещает.

Не пора ли обещание выполнить.

Какое „пора"? Поздно, дорогой товарищ: ну, куда, к чорту, осенью парусиновые штаны и прочая летняя дрянь?

Уж лучше потерпите как нибудь до 1926 года!...

ВНИМАНИЮ НАРКОМПРОСА!

Рис. А. Юнгера

В Меленск. у. Владимирской губ. до того развито пьянство, что часто дети являются в школу пьяными „Призыв“, № 194.

— Дети, в школу собирайтесь! Петушок пропел давно!

СПЕШИТЕ, ПОКА НЕ ПОЗДНО

По сообщению „Н. Веч. Газеты“—

Изыскивая способы для улучшения дефицитного бюджета города, городское управление постановило переименовать все улицы Калькутты. За определенную сумму желающий может назвать любую улицу своим именем.

Первые несколько заказов уже приняты. Вначале „право на бессмертие“ продается по дешевке, впоследствии цена будет увеличена. (Соб. кор.).

Уважаемый Калькуттский комунхоз! Просим принять от „Смехача“ три рубля на предмет переименования площади короля Георга в площадь „Смехача“. (На 1 мес. 60 к., на 3 мес. 1 р. 70 к., на 6 мес. 3 р. 20 к.).

С пересылкой в Калькутту—на рубль дороже.

Граждане С. С. С. Р.! Вам предоставляется возможность плюнуть на Калькутту и *назвать своим именем любую из почтовых бандеролей „Смехача“*. Спешите, пока не поздно!

ПОПЫТКА—НЕ ПЫТКА

Сталинградская „Борьба“ пишет:—

В красном уголке ст. Банная функционирует маленькая библиотека. Но двери этой библиотеки всегда на замке, а в окно глядит огромного роста собака.

Попробуй получить там книгу?!

А вы все таки попробуйте, гражданин, постучитесь, может быть это не собака в окно глядит, а... заведующий?

НАЧАЛИ ЗА ДОРЗДРАВИЕ—КОНЧИЛИ ЗА УПОКОЙ

Сообщает Харьковский „Пролетарий“:—

В поликлинике дорздрава Южн. ж. д. больному с маленькой ранкой на лице прописали мазь, после которой развилась столь сильная экзема, что *больной потерял человеческий облик.*

Неудивительно, что на больном лица нет, а вот что за лица сидят в поликлинике?

И к лицу ли вся история Медслужбе Южных?

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ТЕМНОТЫ

Ехал как-то гражданин Петров, неизвестного звания, в поезде, обиделся, почему в вагоне вечером света не было и—

3 февраля на ст. Гребенка записал в станционную книгу жалобу на то, что вагон № 8 в поезде № 14 Юго-Западных дорог не освещается.

Ревизор движения 4/4 участка Ю. жел. дорог в срочном порядке затребовал у начальника 12 участка (Черкассы) по этому вопросу объяснение для дачи ответа жалобщику. Нач. участка ответил, что в неосвещении вагона виноваты проводники Юго-Зап. дорог.

В поисках виновного бумажки делают кругосветное путешествие—Киев, Харьков, Черкассы и т. д. Южные дороги, оправдываясь, валят вину на Юго-Западные дороги, последние же, открещиваясь, обвиняют Южные.

Таким образом, переписка по жалобе Петрова к 23 июля выросла в дело на 14 листах.

Когда связка этих „срочных“ бумаг намозолила глаза всем службам, 24 июля переписка ни с того, ни с сего появилась во 2 участке сл. тяги Харьков, с требованием дать объяснение.

2-й участок ведает свечным снабжением поездов только с 15-го февраля, поэтому наклеивается еще одна бумажка, и связка направляется разыскивать виновного дальше.

(„Пролетарий“)

Вот уж подлинно игра не стоит... свечи, той несчастной свечки, которую проводник вагона № 8 продал, виноват, растратил в свою пользу. А дело, между прочим, растет и по сей день... А как его, граждане, остановить, ежели оно—„дело“: и входящие, и исходящие, и папка своя есть... одним словом, только НКПС своей властью остановить может.

И зачем вы, тов. Петров, пожаловались? Трудно было ночку без света просидеть?.. Эх, вы!.. Волокитчики!..

ШЕФА В УГОЛ!

(Басня)

Избе-читальне Лосевской вол., В-Луцкого уезда, многим другим и всем шефам посвящается.

Бывает-ли печальней
Судьба?!
В деревне дальней
Стоит изба,
Зовомая „читальней".
В пустой избе
Лишь завывает ветр в трубе.
Печален вид, уныл и странен...
В избу
Зашел заезжий горожанин.
Разохался, поскрёб во лбу
И говорит:—„Не видывал я хуже:
Где лекции? Беседы? Уголки?!
Откуда на полу такие лужи,
Что промочил я башмаки?!"
—„Откуда?"—отвечают мужики:
„Да сверху-ж. Потому—проточный
Настил на кровле потолочной".
А тут сильнее взялся дождь:
Сквозь брызги со стены сердито смотрит вождь.
—„Вот, друже,
Известно: от дождя—и лужи!"—
Спокойно подтвердил избач.
Ну, словом, положение—собач..
(Коль молвить сокращенно).
— „А где-же уголки?"—приезжий возмущенно
Кричит.
— Да вот, побачь:
Вот уголки—на месте, все четыре...
Не прогневись: затея не легка—
В такой квартире
Не сыщешь ни почем сухого уголка.
А вся беда от потолка...
—„От потолка-ль?!—вскричал приезжий пылко:
—„Сдается,—не от вашего-ль затылка?!"
А мужики смеялись подшумок:
—„Ну, врешь! У нас затылок не промок!"

* * *

От головы-ль беда, от потолка-ли?—
Друзья! К чему излишний спор?
Беда, коль шеф уснул и спит до этих пор,
И в бок его не потолкали!

Ив. Прутков

ЕДИНСТВЕННАЯ ПРИЧИНА

Рис. Б. А.

— Эх, вы, Смехачи! На то, что в Польше заключенных пытают, во всем номере никакого отклика...
— Но, товарищ... Ведь, журнал-то у нас печатный?
— Печатный.
— Вот. А слова по этому поводу нужны непечатные. Другими не проймешь!

РОКОВАЯ ЗАДАЧА

„Постановлено не подав ть в ресторанах больше одной бутылки вина на посетителя". (Из газет)

За столиком пивной-ресторана сидит развалившись гражданин в кепке. На столе тарелка с обгрызанными раками и пустая винная бутылка. Глаза кепки перебегают с бутылки на ежеминутно хлопающую входную дверь.

— Н-ну, и дела! Хоть-бы кто просто поесть пришел—да ко мне подсел! И ему-бы приятно—потому компания, — и человека-бы выручил! В момент на него вторую бутылку-бы дали: по з-закону пол-лагается! Да только не та тут публика: всякий норовит сам свой пай вылакать... Разве беспризорную дитю с улицы взять? Да нет, эта штука хорошa, ежели пожрать на-шермака охота: набил маммон больше чего нельзя и смывайся тихим манером, оставя дитя за столиком, никто не задержит... Так ведь не мазурик я. Да и что толку? Не дадут на дите пива, дитю питейные права не положены. Что-же теперь честному человеку в рассуждении второй бутылки делать? Прямо податься некуда!

— Местечко, гражданин, тут слободно? — прерывает кепкины размышления сильно намокший субъект.

Кепка смотрит на него разочарованно: „Нет! с этого не попользуешься, сам свою бутылку вылещет"... И говорит громко:

— Садитесь, не жалко! Только я вам не мертвая душа или беспризорное дите какое, нет, почтеннейший: я, может, сам по второй бутылке страдаю!

— Мертвая дитя??—субъект таращит недоуменно глаза, но затем лицо его расплывается широкой улыбкой.—Ах ты, бббожже-ж мой! Не ошибся, значит, прямо на родную душу напал Который этап делать изволите?

— Че-гго? Этап?

— Ну, да! В котором ресторане—говорю — пьете? Вот я, к примеру сказать, — начал у себя на Карповке, а глядишь к вечеру, по единой получая, к Балтийскому попаду—ежели нечестивый милитошка допрежь того не сгрюбчит. Была-бы только монета, этапов шесть в день осилишь. Хор-рошо! Раньше — что? Сидишь на своем углу и тянешь-тянешь — и нет тебе никакого разнообразия. И кажинного-то там нараспев знаешь, и напузыришься, сиднем сидя, до змия, и того и гляди либо соседа по морде смажешь, либо по зеркалу бутылкой звизданешь. А теперь — благодать! Бутылку свою выдул и хошь-не-хошь на воздух иди в другой, значит, ресторан—за следующей. Вали дальше—с прохладцей! Нет, умственно это начальство придумало, о нашем брате-пьянице позаботилось. Пррравильно я говорю?

Но кепка уже не слушал. С прояснившимся лицом он срывается с места и бежит к выходу. Нет, до чего просто разрешается роковая задача.

— Эй, куды ты, мил человек? Может—нам по дороге? Видать, парень подходящий. Сто-ой! Убежал... Эк приспичило!

Субъект горестно разводит руками.

— Человеку, можно сказать, глаза открыл, на путь наставил, а он хоть-бы стаканчик поднес! Ну, и народ пошел! Безо всяких понятиев!

Т. Мелецкая

СОР В ИЗБЕ

Разработан проэкт получения электро-энергии при помощи сжигания мусора. „Л. Правда" № 203

Прочитал—и вот в экстазе
Льются звонкие стихи:
Электричество из грязи
Из навоза! Из трухи!
Сотни лет в глуши рассейской
Дед и прадед, смерд и князь
Без оглядки фарисейской
Накопляли сор и грязь—
И от русского Антропа
(Устоять-мол мудрено-с!)
Деликатная Европа
Отворачивала нос.
А теперь небес не гневьте!
Эка, славная земля!
Русский сор ценнее нефти
И пользительней угля.
Отдавать его не жалко...
Видишь, дядя? Слышишь, сват?
Прежде—мусорная свалка,
Нынче—Филиппс-полуват.
Слаще сладкого сиропа
Отработанный помет!
Поглядит на нас Европа
И завистливо вздохнет:
— Мол, меж нами стихла ссора.
Уступите с пол-арбы...

Нет, друзья! Такого сора
Не выносят из избы!

А. д'Актиль

Я СПРОСИЛ

„Я спросил у свободного ветра"...
К. Бальмонт.

Я спросил у пройдохи-торговца:
— Как пускаешь ты гниль в оборот?
Мне ответил свободный торговец:
— Ничего! Покупатель сожрет!...
Я спросил у дородной хозяйки:
— Отчего не идешь в пищетрест?!—
Отвечала, смутившись, хозяйка:
— Муж „Советскую" пищу не ест...
Я у мужа спросил—у обжоры:
— Ты всегда ли таким был скотом?—
Ничего не ответил обжора:
Он лежал. Он страдал животом.

Д.

ПО ХОРОШЕМУ

Сосватал меня Семен Борщок—пошли мы с ним в Загс, регистрироваться... Иду я и внутренне ужасаюсь. Хохол — хохлом, в вышитой рубашке, и фамилия неприятная. С таким чучелом да еще в Полтавскую губернию ехать. . Однако, иду...

Сидим мы с ним в Загсе—очереди дожидаемся. А рядом—парочка... поглядел Семен Борщок на соседнюю невесту и как стукнет ее по спине:

— Ганка?! А, Ганка!..

А самая эта Ганка кидается к моему жениху на грудь:

— Ото-ж, нашла я тебе, мое сердынько!

Заболтался тут у них язык... Мабуть, да мабуть—и за руки держатся:

— Я,—верещит Ганка, — уж пяти хлопцам отказала, все тебя дожидалась. К дядьке вот сюда приехала, тебя искать. А это,—на меня показывает,—что за барышня?

— Это,—говорит Борщок, —для регистрации. Как сказал мне Петрушка Ковалев, что у тебя свадьба давно сыграна—пропадай, думаю, я ко всем чертям .. возьму да женюсь... а с тобой это что за мужчина такой?—И даже побледнел весь, а Ганка в слезы...

— Клещ он паскудный—вот кто он такой! Сбил меня с панталыки, записываться привел ..

Поднялась я от такого скандалу, а Ганкин жених—за мной. Костюм на нем синий, приличный, глаза черной смородинкой.

— Вот, — говорит он мне, — неприятность! Странная девица, и никакого в ней понятия событий не имеется. Знает ведь отлично—за помещение уплачено, посуда привезена, даже лампочки ввинчены, а как я теперь пивное дело один открою?.. Мне сейчас без жены—зарез...

— И мне—жалуюсь я ему,—не лучше выходит. По сокращению штатов из уборщиц как уволили, так я и хохлом не побрезговала... что мне, на зиму глядя,—помирать, что-ли?

Посмотрел тут Ганкин жених пристально на мои лакированные туфли и делает мне серьезное брачное предложение. Ну, думаю я, значит такая уж мне судьба, чтобы сегодня регистрироваться!..

Подошли мы к столу заведующего, а хохол с Ганкой уж и расписались... И говорит мне теперь Борщок:

— Ты на меня не очень-то обижайся... это тебе не в обиду сделано...

А жених мой оглядел сейчас же его с головы до ног и выговорил:

— Вы теперь, гражданин, моей невесте не тыкайте...

В.

ПО СУЩЕСТВУ

— А клубная аудитория у вас большая?

— Аудитория-то большая, да вот слушателей нет!

СКЕПТИК

— Чего это вы, Ван Палыч, вдруг попугая купили?

— Да читал я, что они, черти, двести лет живут, вот и купил: интересно, знаете, проверить...

БЕЛОЕ И ЧЕРНОЕ

Культотделом профсоюзов приглашается к нам негритянская труппа, как значительнейшее явление истинного народного творчества.

В театре мы гордиться можем
Культурой форм и мастерства,
А вот, подите-ж,—чернокожим
Уступим пальму первенства.
Как видно, тут не в формах дело,
А в том что в *них* заключено.
Так: не всегда, что бело—бело,
И черное—не все черно!

Ц.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1925 ГОД НА ЖУРНАЛ САТИРЫ И ЮМОРА

ТРЕТИЙ ГОД ИЗДАНИЯ

Журнал печатается по образцу лучших заграничных изданий в несколько красок на лучшей бумаге. Объем номера 16 страниц. Выходит 3 раза в месяц.

СОСТАВ СОТРУДНИКОВ:

ХУДОЖНИКИ: **Ю. Анненков, Б. Антоновский, М. Бобышев, Л. Бродаты, М. Добужинский, И. Каликин, А. Карев, В. Козлинский, Н. Лапшин, В. Лебедев, С. Лебедева, И. Малютин, Д. Митрохин, А. Радаков, Н. Радлов, В. Хвостенко, М. Черемных, Г. Г. Эфрос и др.**

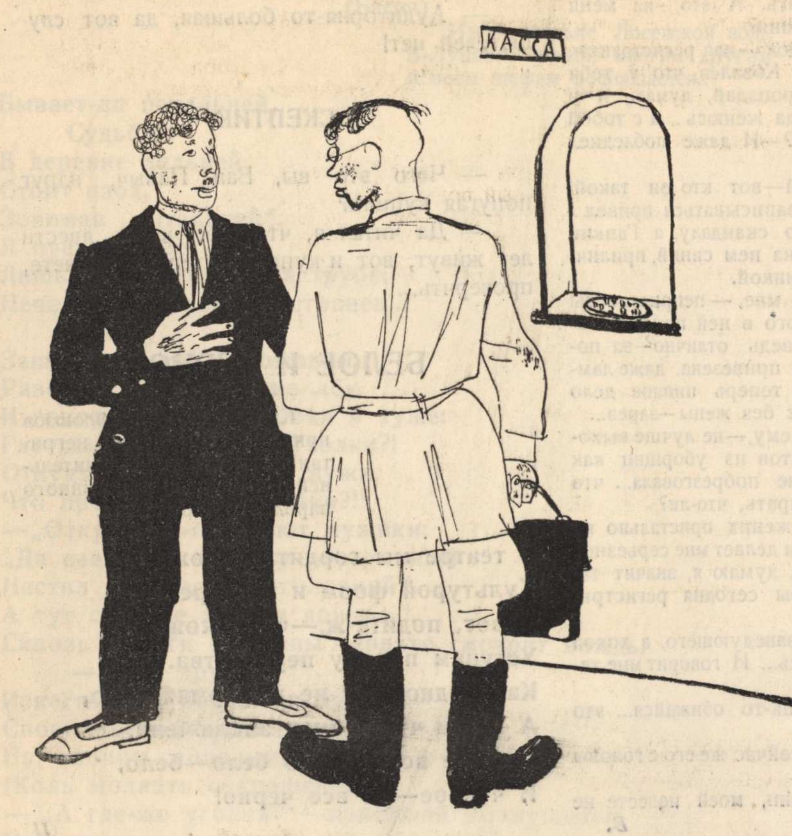
ЛИТЕРАТОРЫ: **А. д'Актиль, Н. Асеев, П. Ашевский, М. Бабель, А. Безыменский, Владимир Воинов, Р. Волженин, Э. Гард, Эммануил Герман, Исидор Гуревич, Евграф Дольский, Мих. Зощенко, А. Жаров, Н. Иванов (Грамен), Вал. Катаев, Вас. Князев, М. Козырев, Мих. Кольцов, Вас. Лебедев (Кумач), Лидия Лесная, К. Мазовский, В. Маяковский, А. Меньшой, К. Милль (Полярный), Оль, Ю Олеша (Зубило), П. Орешин, Ив. Куз Прутков, С. Тимошенко, Н. Тихомиров, В. Тоболяков, С. Третьяков, Дм. Цензор, Александр Флит, К. Шелонский, Вяч. Шишков и др.**

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: На **1** мес.—**60** коп., на **3** мес.—**1** руб. **70** коп. и на **6** мес.—**3** руб. **20** коп.
Подписчикам „Гудка" на 1 мес. 50 к.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР А. С. АНДРЕЙЧИК.

КАЧЕСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ

Рис. Г. Эфроса.

— Про нашего главбуха ничего плохого сказать нельзя!

— Неужели такая замечательная личность?

— Кой чорт, замечательная! Просто, если узнает, что про него плохое говорят—непременно подведет под сокращение!

ПРОВИНЦИАЛЬНОЕ

Ряды. Базар. Две-три лядащих клячи.
Дородный булочник (квасницею лицо).
В сторонке бабы возле огурцов
О „чуде“ с главами четвертый год судачат.

И об антихристе, как прежде, говорится,
И как безбожника подмял в Твери балид,—
Нутро деревни косностью болит.
Всех переслушать ли? Иду направо бриться...

Встречает парикмахер Беляков:
(Одна нога боса, а на другой опорок),
Он разговорчив, весел и толков,
Спросил про горькую—„поднимется-ль на сорок“?

В простенье—зеркало, засиженное с лета.
Белье пожившее вздыхает о „былом“.
А на стене, ошую от поэта,
Букет обрамленных „бабенций“ под стеклом...

Недурно сложены, глазасты, белокуры,
Грудасты дьявольски и вовсе „сан-дессу“...
Мой брадобрей поковырял в носу
И древней бритвою с меня сдирает шкуру.

Заговорил о близости чумы,
Закинул вскользь о крепком самогоне...
. . . .
Как хорошо, что я уже в вагоне
И далеко от милой Чухломы!

Мих. Андреев

ТАРАКАНЫ В ТЕСТЕ

ТРАМВАЙ-ВУНДЕРКИНД

„Ленинградская Правда“ приводит пример первого изобретения, сделанного не человеком, а машиной:

БЕЗОПАСНЫЕ ТРАМВАИ.

В трампарке им. Коняшина закончено изготовление предохранительного щита, сконструированного трамваем.

А интере но бы узнать, которым именно? Моторным или прицепным? И какого маршрута и номера?

Очень было бы лестно проехаться в этом изобретателе.

ЖЕМЧУЖНОЕ ЗЕРНО

Блестящая юмореска из „Новой Вечерней Газеты (Ленинград):

— Справочно бюро... Спасибо. Справочное?
— Нет, я тоже звоню туда.
— Повесьте трубку.
— Вы повесьте: меня уже соединили с бюро.
— Вас соединили со мной. Повесьте трубку.
— Алло!
— Да.
— Это все еще вы? Говорят вам...
— Справочное?
— Какого чорта? Справочное, если вы не вешаете трубки.
— Вы повесьте!.. Алло. Справочное?
— Повидимому, победит тот—кто глупее: я вешаю трубку.

Всё.

Остается решить вопрос: кто умнее—автор или редактор?

Ответ:

Телефонная трубка.

СВЯТОЙ ПО СЛУЧАЮ

А вот еще объявленьице оттуда же:

> ГЕОРГИЯ ПОБЕДОНОСЦА
> в серебряной оправе
> *Купит Магазин Случайных Вещей.*
> Белград, улица, № дома.

А у нас не покупают: оправа еще—туда-сюда, а святого держать нет расчета. И цены на них нет.

Покупайте граждане, нам не жалко!...

ГЛАС ВОПИЮЩЕГО

> ОДИН ШВЕЙЦАРСКИЙ ФРАНК
> или 14 динар
> обязан пожертвовать каждый в кассу Междунар. Объединения по борьбе с 3-м Интернационалом.
> Пожертвования приним. в Редакции!

Так вопиет в эмигрантской пустыне „Новое Время“.

Еще бы не вопить, если газету издавать не на что, единственная надежда: занесет один-другой дурак по франку,—смотришь –и пообедали, и номерок выпустили!..

Бороться, так бороться!..

КАКОЙ ИЗ СЕБЯ ЛОЗОВСКИЙ?

(Загадочная картинка)

Три большие провинциальные газеты,—„Саратовские Известия“, „Нижегородская Коммуна“ и „Вятская Правда“ — помещают в №№ от 1 сентября портрет генерального секретаря Профинтерна, т. Лозовского, выступавшего в Париже на конференции унитарной конфедерации труда.

„Саратовские Известия“ изображают т. Лозовского—таким!

„Нижегородская Коммуна“ — этаким.

А „Вятская Правда“ подает его, должно быть, „по-вятски“.

Вот и спрашивается,—который же т. Лозовский? Впрочем, это мы такие хитрые, что сразу смотрим все газеты. А простой читатель—он только одну газету видит. Ему все равно, как подадут ему т. Лозовского,—по-вятски, по-саратовски или по-нижегородски...

ДЕЛА РЕДАКЦИОННЫЕ

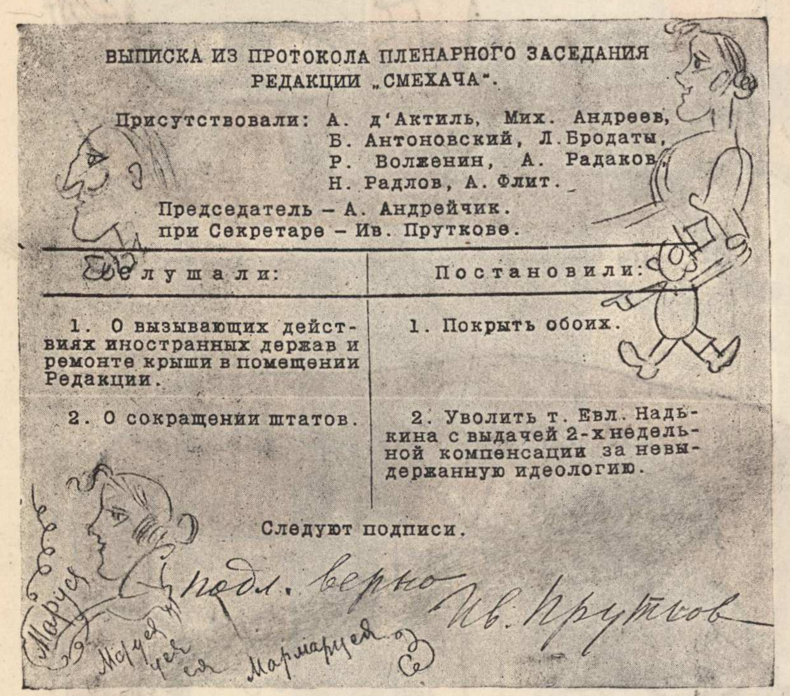
Перво-на-перво, о юмористической библиотеке *Смехача*.

Книжка М. Зощенко уже вся разошлась: поэтому ее и не рекламируем. Впрочем, если где увидите неразошедшийся экземпляр — непременно купите. Пропустите — другого случая не будет.

Вторым №-ом вышла книжка В. Шишкова. Третьим выходит Ив. Пруткова книжечка. Обе очень рекомендуем. Цена — 15 коп., а для подписчиков *Смехача*, при выписке со склада, — гривенник. Как говорится, не щадя затрат.

Опять же о подписке на *Смехач*. На полгода — 3 р. 20 к., на три месяца — 1 р. 70 к. на месяц — 60 коп. Выписывать можно из Москвы: Солянка, 12, Дворец Труда, главная контора „Гудка" и из Ленинграда: пр. Володарского, 53-а, Книжный Склад ЦК железнодорожников. Журнал, сами знаете, что надо.

А насчет редакционного житья, так — помаленьку. На-днях вон сокращенье штатов было. Евлампия Надькина сократили. Впрочем вот документ:

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ РЕДАКЦИИ „СМЕХАЧА".

Присутствовали: А. д'Актиль, Мих. Андреев, Б. Антоновский, Л. Бродаты, Р. Волженин, А. Радаков, Н. Радлов, А. Флит.

Председатель — А. Андрейчик.
при Секретаре — Ив. Пруткове.

Слушали:	Постановили:
1. О вызывающих действиях иностранных держав и ремонте крыши в помещении Редакции.	1. Покрыть обоих.
2. О сокращении штатов.	2. Уволить т. Евл. Надькина с выдачей 2-х недельной компенсации за невыдержанную идеологию.

Следуют подписи.

С подл. верно Ив. Прутков

А кого на его место возьмем — еще не выяснено. Кого-нибудь да возьмем — это уж факт. Для того ведь и сокращали, чтобы кого нибудь взять. Ежели никого не брать, так и сокращать незачем. Тоже и мы хозрасчет понимаем!

Ну, пока, кажется, все.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК „СМЕХАЧА"

Адрес для литературной корреспонденции — Ленинград, Пр. Володарского, 53-а. Рукописи, непринятые к печати, редакцией не сохраняются. По всем вопросам, связанным с неаккуратной доставкой журнала, подписчикам надлежит обращаться по месту подписки, Москва, Солянка 12, Дворец Труда, Главная Контора, или Ленинград, пр. Володарского: 53а, Отделение Конторы.

Владивосток, Колючке. Стихи:

Как дракон огненный, или удав громадный,
Шел дачный поезд медленно, кряхтя,
Цветных девиц и кавалеров строгих
Стоит полно в вагонах у окна.

Плохие стихи. В них даже дракону тесно: с правильного ударения сдвинулся.

Отцепитесь, колючка!

Свердловск, Арно. Не подошло. Тема устарела.

Челкар, Ивану Забытому. „Шлю вам свой привет вместе с сочинением. Но в случае не принятия *ее* (?) к печати, *он* делается недействительным".

Что поделаешь! Придется нам сидеть на-бобах, с недействительным приветом...

Сочинение ваше похоже на сказку для детей грудного возраста.

Ст. Калинковичи, П. М. П-му. Из присланных вами стишков понравились самые короткие:

ГЕРОИЗМ

Девчат у нас я много знаю,
Которым жить на свете надоело;
И чем же все они кончают?
Что за пять верст идут топиться смело.

Пришлите список этих замечательных девиц. Очень интересуемся.

Ростов-на-Дону, Вл. К. „Санупр с прошлым" взяли в отдел 40+8. „Изобретатель" разорвался.

Москва, Н. Кипье-му. Вы пишете в стихотворении:

„Рычал кто-то песню *козлиновым* гласом".

Не было до сих пор такого гласа.

Небось, сами рычали, а на других клевещете.

Ленинград, Зету. Зет пишет о Лондонской выставке гробов:

Что англичане эксцентричны
Может всяк о том сказать,
Но насколь они практичны —
Вам позвольте рассказать.
Они в Лондоне решили
Открыть выставку гробов
И вход любезно разрешили
Для граждан прочих городов...

Ваши стихи, Зет, очень подходят к выставке: живьем вгоняют в гроб!

Калуга, М. С. К-р-ву. Присланное пригодилось.

Ив. Пр.

Рис. Б. А.

Не смотрели бы мои глазоньки
Господи! Любимое детище, можно сказать — и на улицу
Ежели может какая сдельная работка подвернется... Уж не оставьте, товарищи вниманием!
Запишите у секретаря адрес!

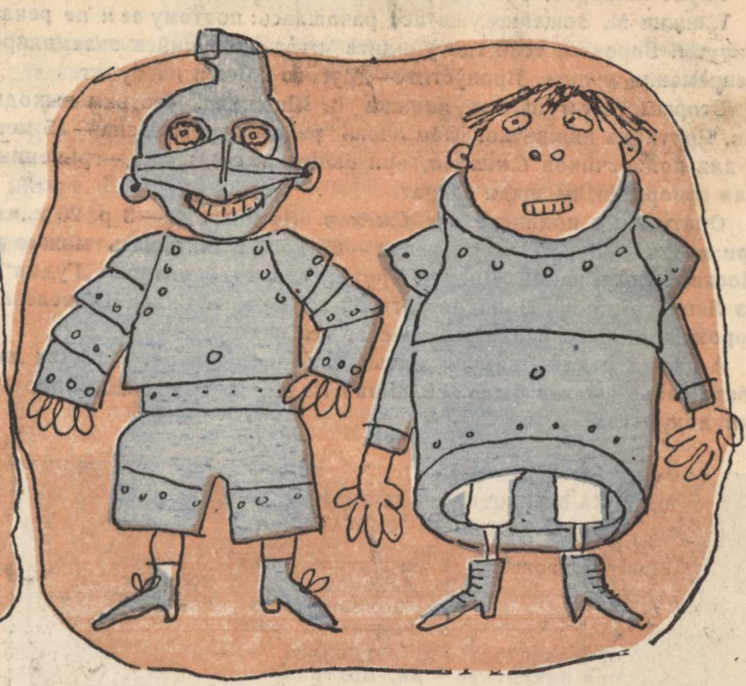
Издатель: „ГУДОК"
Ответственный редактор А. С. Андрейчик
Ленинградский Гублит № 19043. Типография „Инвалид Печатник", Ленинград, Улица Воинова, 26. Тираж. 60000

КАК МАЛЕНЬКАЯ ОКТЯБРИНА ПОНИМАЕТ ЖИЗНЬ

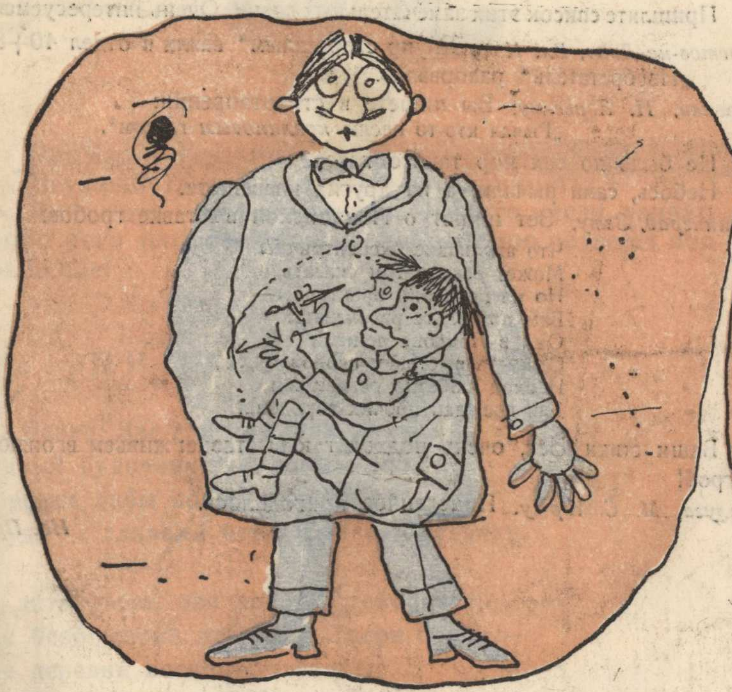
Рис. Лидочки Радловой

Тетю Катю вычистили.

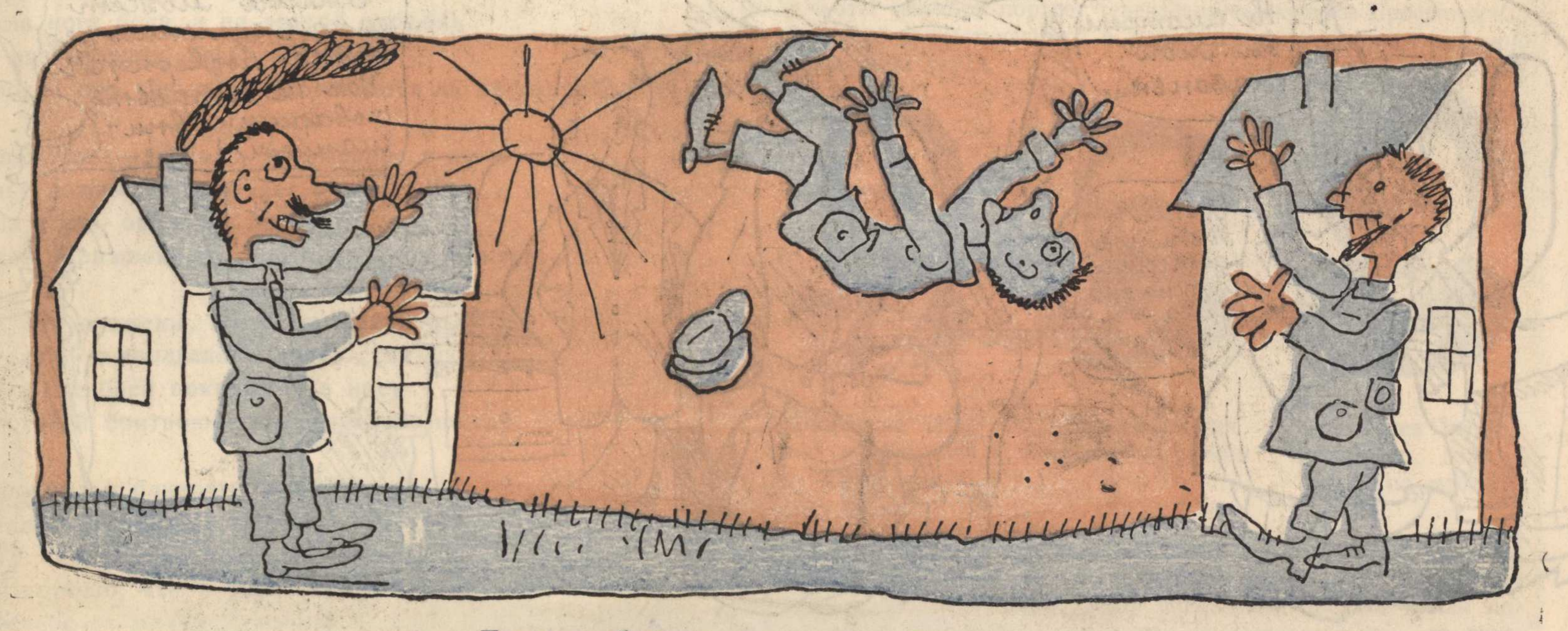
На заводах существует броня для подростков.

У дяди Коли рабкоры в печенках сидят

Тетя Маша крепко связалась с избой-читальней.

Папу перебросили на новую работу.